18. Natitnik A.V. Tvorcheskoe ispol'zovanie jazyka i ego granicy pri perevode: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2006.

19. Obolenskaja Ju.L. Hudozhestvennyj perevod i mezhkul'turnaja kommunikacija. M.: Vyssh. shk., 2006.

20. Protchenko A.V. (Blohina A.V.) Jekspressivnyj sintaksis i ritmicheskaja struktura avtorskih opisanij v parallel'nyh tekstah // Vestn. Samarskoj gos. jekon. akademii. Razdel: Lingvodidaktika. Samara. 2005. №1(16). S. 301–305.

21. Recker Ja.I. Teorija perevoda i perevodcheskaja praktika. Ocherki lingvisticheskoj teorii perevoda. M.: R Valent, 2007.

22. Rudnev V.P., Mihajlova T.A. Vinni Puh i filosofija obydennogo jazyka // Predislovie k russkomu perevodu. M.: Agraf, 2000. S. 48–56.

23. Seljaev A.V., Petrova O.V. Kak perevodit': «pravil'no» ili «tak, kak govorjat»? // Problemy perevodovedenija i didaktiki perevoda: sb. nauch. tr. Ser.: Jazyk. Kul'tura. Kommunikacija-6. N. Novgorod, 2005. S. 85–93.

24. Solodub Ju.P., Al'breht F.B., Kuznecov Ju.A. Teorija i praktika hudozhestvennogo perevoda. M.: Akademija, 2005.

25. Fedorov A.V. Osnovy obshhej teorii perevoda: lingvisticheskie problemy. M.: Vyssh. shk., 1983. 4-e izd., pererab. i dop.

26. Fedorov A.V. Osnovnye itogi razvitija nauki o perevode i dva spornyh voprosa // Teorija i praktika perevoda. Kiev, 1988. Vyp. 15. S. 12–26.

27. Chukovskij K.I. Vysokoe iskusstvo. O principah hudozhestvennogo perevoda. M.: Sov. pisatel', 1968.

28. Shvejcer A.D. Sovetskaja teorija perevoda za 70 let // Vopr. jazykoznanija. 1987. № 5. S. 9–17.

29. Shvejcer A.D. Teorija perevoda: Status, problemy, aspekty. M.: Nauka, 1988.

30. Shevnin A.B. Jerratologija: k kompetentnosti cherez nekompetentnost' // Perevod i sopostavitel'naja lingvistika. Ekaterinburg, 2005. S. 11–18.

Translation as an object of philological research

The article deals with the issues of the development of major trends in the modern domestic and foreign translation studies in the field of literary translation, which are the basis for the original author's methodology of the comparative analysis of the original and the translated texts based on the thematic stratification of the text.

Key words: *literary translation, philological translation, synthetic method, thematic stratification of the text.*

(Статья поступила в редакцию 13.03.2017)

Н.А. КАЛЁНОВА
(Волгоград)

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПОЭМЕ С.А. ЕСЕНИНА «АННА СНЕГИНА»

Охарактеризован когнитивно-прагматический аспект фраземоупотребления в поэме С.А. Есенина «Анна Снегина». Объективируя спектр информации не только рационального, но и эмоционального характера, ФЕ участвуют в создании когезии образа того или иного персонажа, вербализуют фрагмент концептосферы рассказчика и других персонажей, тем самым и концептосферу автора поэмы.

Ключевые слова: *фразеологическая единица, когнитивная фразеология, язык С.А. Есенина, когнитивно-прагматическая функция.*

Когнитивные изыскания обнаруживают дискурсивную обусловленность и роль фразеологических единиц (ФЕ) в объективации информационного поля языковой личности [3; 8; 9; 20; 22 и др.], тем самым выявляя их функциональный потенциал. Когнитивно-прагматическая субпарадигма фразеологии рассматривает «фраземный знак в двух его ипостасях: языковой и дискурсивной» [1, с. 117], позволяя раскрыть когнитивно-прагматические функции ФЕ в конкретном дискурсе и выявить когнитивно-прагматический потенциал этого знака косвенно-производной номинации.

Когнитивный подход к прагматике фраземного знака выявляет ресурсы ФЕ как вербального воплощения транслируемой автором информации, которое, само по себе имея определенную когнитивно-семантическую структуру, погружается в дискурсивное пространство, взаимодействием с другими единицами разных уровней реализует авторский замысел:

У Прона был брат Лабутя,
Мужик – что твой ***пятый туз****:*
При всякой опасной минуте
Хвальбишка и дьявольский трус.

Словокомплекс *пятый туз* не отмечен во фразеологическом словаре, но в словаре В.И. Даля в словарной статье к слову *туз* упоминается выражение *пятый туз в колоде*. Кроме того, обнаружены устойчивость и воспроизводимость словокомплекса в названиях про-

© Каленова Н.А., 2017

изведений (например, «Пятый туз» А. Галкина, Э. Жемлиханова, А. Днепрова и др.), а также употребление словокомплекса и в публицистике, преимущественно в значении ‘неожиданные дополнительные преимущества’: *Речь идет главным образом о правилах, по которым живет российский футбол и которые весьма далеки от незыблемости.* ***В нашей колоде не четыре туза, а столько, сколько нужно сдающему,*** *– вот против чего протестует «Спартак». <…> И вот тут КДК достал из рукава* ***пятый туз****: он начал искать в поступках всех действующих лиц умысел и рецидив, ступив на крайне скользкую тропинку* (Е. Дзичковский. Спорт-Экспресс. 2012. 12 апр.). Оценочная семантика знака косвенно-производной номинации дискурсивно обусловлена: ФЕ, употребляемая в характеристике неодобряемых поступков третьих лиц, имеет отрицательную оценочную семантику.

Значение выражения *пятый туз* восходит к дискурсу карточной игры, в которой шулер мог виртуозно достать в нужный момент пятый туз, т.е. обманом повернуть ход игры в свою пользу совершенно неожиданным образом. В поэме «Анна Снегина» выражение *пятый туз* также восходит к тому же самому дискурсу, но за основу берутся другие смыслы из исходной когнитивно-дискурсивной базы. С.А. Есенин вводит в речь рассказчика ФЕ *пятый туз,* поясняя ее значение:

При всякой опасной минуте;
Хвальбишка и дьявольский трус.

В основе фразеологического образа – роль карты в игре, актуализация смыслов ‘поддельный / ненастоящий’, ‘напускная важность’. При этом ФЕ участвует в комплексной объективации коннотативных смыслов. Так, лексема *хвальбишка* имеет суффикс «рациональной и эмоциональной оценки» [7, с. 6–7] *-ишк-*. «Как правило, этот суффикс передает отрицательную оценку, используется с уничижительным значением» [6, с. 277]. Лексема *трус* также имеет отрицательную эмоционально-оценочную коннотацию. Отношение рассказчика к брату Прона объективируется эмосемой ‘презрение’ и семой отрицательной оценки. Иными словами, С.А. Есенин, создавая своеобразную энциклопедию национальных характеров [4], мастерски использует средства языка, в том числе фразеологию.

С помощью ФЕ создается характеристика Лабути, некоторый фрагмент единого образа, при этом автор «навязывает» коннотативные смыслы, транслируемые в речи рассказчика как часть этого образа. Здесь обнаруживается роль ФЕ в создании логико-семантической когезии художественного образа, поскольку эта единица становится смысловым центром эмотивно-оценочных координат структуры образа в картине мира рассказчика и, как предполагается, определяет эти координаты при интерпретации образа читателем.

Таким образом, когнитивно-прагматический потенциал ФЕ реализуется в том объеме и характере информации, который ею транслируется. Так, если рассказчик испытывает объективируемые данной ФЕ эмоции и оценки по отношению к данному типу поведения, значит, сам он (по замыслу автора) не считает это нормой, значит, можно сказать, что в системе его ценностных координат нормой является другая модель поведения. Следовательно, автор передает читателю информацию об особенностях концептосферы рассказчика, системе его ценностных координат.

Кроме того, обращение автора именно к этой единице может свидетельствовать о том, что дискурс карточной игры ему достаточно близок, а анализ иных результатов его речетворчества может обнаружить соответствия, подтверждающие наличие ФЕ в тезаурусе языковой личности. Итак, ФЕ предстает как емкая в когнитивно-прагматическом аспекте единица, которая позволяет С.А. Есенину не только передать целый спектр различных сведений, создавая образ своего персонажа, но и скоординировать тактику декодирования транслируемого образа.

Результат интерпретации транслируемой информации напрямую зависит и от когнитивных способностей получателя сообщения, и от владения им когнитивно-семантической базой фраземопорождающего (в терминологии Н.Ф. Алефиренко) дискурса. Так, проведенный нами небольшой эксперимент показал, что значение предъявленной в минимальном контекстуальном окружении ФЕ *пятый туз* декодируется читателями (в данном случае выпускниками непрофильных классов общеобразовательных школ) как ‘лишний’, очевидно, по ложной аналогии с ФЕ *пятое колесо в телеге* или *как собаке пятая нога* и / или на основании фоновых знаний о количестве тузов в колоде; или вовсе не декодируется, при этом допускается наличие эмотивно-оценочных смыслов отрицательного характера, которые вычленяются, скорее, из контекстуального смысла высказывания в целом. В

свете этих наблюдений справедливо звучит мысль о том, что «в ходе анализа любого высказывания необходимо учитывать его многомерность, а значит, ограничиваться анализом структуры текста, выявлением закономерностей его строения без учета процесса порождения и понимания не представляется целесообразным, так как оставляет большое количество вопросов нерешенными» [20, с. 89].

Таким образом, когнитивно-прагматические функции ФЕ мы понимаем как функции, определяющие роль знака косвенно-производной номинации в а) объективации некоторого объема информации в процессах кодирования и декодирования; б) когнитивно-семантической структуре дискурса; в) воздействии на адресата сообщения. В этом определении мы солидарны с Е.В. Беспаловой, называющей когнитивно-прагматическими «функции, реализующие приращения когнитивного смысла, с одной стороны, и функции структурирования текста, опосредующего коммуникацию, с другой» [5, с. 95]. Однако фразеологическая объективация информационного сгущения, как представляется, происходит как его кодирование и декодирование, т.е. заключает в себе речетворческую деятельность адресанта и, соответственно, адресата дискурса. Представляя дискурс вслед за Т.А. ван Дейком «сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта» [10, с. 122], мы считаем необходимым учитывать в определении когнитивно-прагматических функций и процесс кодирования, и процесс декодирования в равной мере. Проанализировав когнитивно-прагматические функции ксенонимов-русизмов, А.А. Филатова резюмирует: «Реализация выявленных функций определяется взаимодействием семантической структуры слова и дискурсивных условий», подчеркивая, что «на когнитивном уровне при наличии фоновых знаний» о коннотативных смыслах культурно маркированных единиц обеспечивается адекватное декодирование сообщения [21, с. 96]. Итак, анализируя роль ФЕ в объективации информации, необходимо понимать, что, с одной стороны, входя в когнитивно-семантическое пространство дискурса, ФЕ становится его частью, одним из средств объективации «информационного сгущения» [2, с. 21], а с другой – это единица косвенно-производного характера с мощной фраземопорождающей лингвокультурологической базой.

Роль ФЕ в воздействии на адресата дискурса изучена менее всего, поскольку реальный результат воздействия на получателя сообщения необходимо зафиксировать, т.е. применить экспериментальные методики, хотя и при этом «стерильного» знания получить не удастся, в распоряжении исследователя будет опосредованный текст самоотчета о продуктах декодирования исходного дискурса. Несмотря на это, комплексный анализ когнитивно-прагматических функций ФЕ в дискурсе языковой личности в идеале должен, на наш взгляд, так или иначе учитывать этот аспект фраземоупотребления, возможно, один из главных, поскольку дискурс создается как способ реализации определенных коммуникативных целей, что делает заявленный аспект когнитивно-прагматического подхода к изучению языковых явлений первоочередной перспективой: «Будучи довольно сложным и многоаспектным понятием, картина мира состоит не только из значений, облеченных в фиксированную форму, но из значений, извлекаемых из языковых форм, которые задают образцы интерпретации воспринимаемого» [17, с. 382].

Обращение к малоизученной есенинской фразеологии [14; 15], предпринятое в когнитивно-прагматическом ключе, не случайно. Несмотря на то что язык поэмы С.А. Есенина «Анна Снегина» интересует ученых в разных аспектах [11–13; 16; 18; 19 и др.], фразеология этого произведения не становилась предметом детального лингвистического исследования. Предпринимаемое изыскание дополняет знание о художественном своеобразии поэмы, об особенностях есенинского поэтического слова, а также о специфике фразеологии С.А. Есенина. Результаты работы найдут лексикографическое отражение в словаре, который продолжает начатую нами систематизацию есенинской фразеологии [14].

Анализ фразеологии поэмы «Анна Снегина» в когнитивно-прагматическом аспекте выявляет роль знаков косвенно-производной номинации в создании когезии художественных образов и текста произведения в целом. Посвящая свое исследование языку поэмы, Н.И. Шубникова-Гусева подчеркивает: «Все персонажи поэмы имеют свой голос и разговаривают по-своему» [23, с. 27–28], указывая на особую роль ФЕ в речевой характеристике персонажей: «Экспрессивная речь мельника насыщена <…> эмоционально-окрашенными фразеологизмами» [Там же]. Иными словами, фразеология по-разному используется разны-

ми языковыми личностями: набор ФЕ, типичные способы их структурно-семантических трансформаций – все это характеризует фразеологический сектор тезауруса языковой личности, что должно быть учтено автором художественного произведения при создании языковой личности персонажа и что обеспечивает цельность художественного образа. С.А. Есенин «дает слово» рассказчику, вознице, мельнику, старухе, Прону Оглоблину и его брату, Анне Снегиной и ее матери, каждый из которых имеет свои речевые особенности, что отражается и на уровне фразеологии.

В речи мельника обнаружены 3 фраземоупотребления *за милую душу* в функции наречия (*Старуха* ***за милую душу*** *// Оладьев тебе напекла*) и 2 – в функции междометия (*Сергуха!* ***За милую душу****! // Постой, я тебе расскажу!*). Благодаря частотности ФЕ в значении '1) с большим удовольствием; 2) не задумываясь, без долгих размышлений' является средством создания речевого портрета, маркирующей его единицей. Подчеркивая душевность и даже некоторую наивность создаваемого им образа, С.А. Есенин вводит в речь рассказчика фразеологию, объективирующую его отношение к мельнику: *Мой мельник* ***с ума****, знать,* ***спятил***, где ФЕ *с ума спятить* – 'прост. презр. совершать безрассудные поступки, не давать отчета в своих действиях' подвергается семантической трансформации: эмотивная сема 'презрение' не актуализируется, а местоимение *мой* в подобном контекстуальном окружении объективирует снисхождение, которое является эмоциональной доминантой. То же происходит и в другом примере:

Ох, этот мельник!
С ума меня сводит *он.*

ФЕ *с ума сводить* 'доводить до психического расстройства, заставлять терять рассудок' во взаимодействии с другими единицами разных уровней объективирует снисхождение. Эмотивно-оценочной семантикой ФЕ и других языковых единиц разных уровней достигается когезия образа, координируется стратегия его декодирования читателем.

В речи мельника обнаружен также ряд синонимичных ФЕ, имеющих общую сему 'много': *хоть отбавляй* (*Сим летом грибов и ягод // У нас* ***хоть*** *в Москву* ***отбавляй***); *до черта* (*И дичи здесь, братец,* ***до черта)***; *так и прет* (*Сама* ***так*** *под порох* ***и прет****...*). Обнаруживается как стилистически нейтральная фразеология (например, *ни слова*), так и просторечная: *Теперь он* ***по пьяной морде*** *// Еще не устал голосить*. Таким образом, речь мельника насыщена фразеологией, в отличие от других персонажей, что позволяет автору создать колоритный образ.

Еще один персонаж, чья речь насыщена фразеологией, – это Прон Оглоблин. Включение в его речь маркирующей эту языковую личность ФЕ подчеркивает ведущую черту характера создаваемого образа: *Теперь мы всех* ***р-раз – и квас****!*. Можно сказать, в этом весь Прон Оглоблин: резкий, энергичный, склонный к необдуманным поступкам; такой характер создает С.А. Есенин, используя индивидуально-авторскую ФЕ как концентрированно передающую особенности темперамента единицу. Грубо-просторечная фразеология выдает происхождение языковой личности, а также грубый и вспыльчивый характер персонажа: *Недаром,* ***едрит твою в дышло****, // Воспитан ты был кулаком*; ***Едри ж твою в бабушку плюнуть***. ФЕ объективируют эмоциональное состояние и степень его интенсивности.

Отсутствие или единичные употребления фразеологии в речи персонажа, как правило, обусловлены его ролью в поэме, особенностями его характера, мастерски создаваемого автором. Так, речь старухи содержит нейтральную эмотивно-оценочную, но стилистически маркированную ФЕ *своими ушами* – 'разг. лично, самому (услышать)', которая используется для создания эффекта достоверности объективируемой информации. В речи Анны Снегиной фразеология не обнаружена, а в речи ее матери есть фразеологизированная синтаксическая конструкция *рыдай не рыдай*, которая объективирует эмоциональный концепт БЕЗЫСХОДНОСТЬ. Иными словами, автор как будто оставляет эти образы в тени, полностью не раскрывая их характеров, чтобы не затмить ведущие образы и не помешать восприятию идеи произведения.

Таким образом, когнитивно-прагматические функции ФЕ в поэме С.А. Есенина «Анна Снегина» обеспечивают создание когезии художественных образов; объективируя спектр информации не только рационального, но и эмоционального характера, вербализуют фрагменты концептосфер рассказчика и других персонажей, тем самым и концептосферу автора поэмы. На наш взгляд, фразеология С.А. Есенина – ценнейший источник разноаспектного лингвистического изучения, способного раскрыть всю глубину не только творческого гения художника слова, его личности, но и эпохи, в которой он жил.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. М.: ЭЛПИС, 2008.
2. Алефиренко Н.Ф. Когнитивно-прагматическая субпарадигма науки о языке // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания: сб. науч. тр. М., 2011. С. 16–27.
3. Архангельская Ю.В. Фразеологическая единица как один из факторов текстообразования в дискурсе Л.Н. Толстого // Материалы XXXIII Международных Толстовских чтений. Тула, 2012. С. 244–248.
4. Бабицына Н.Н. Поэтика национального характера в творчестве С.А. Есенина: дис. … канд. филол. наук. М., 2013.
5. Беспалова Е.В. Когнитивно-прагматические функции сложных существительных в немецком научно-педагогическом дискурсе // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2014. № 1(112). С. 95–100.
6. Бронникова Ю.О. Словообразовательные средства выражения оценки в русском языке // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 12. С. 276–279.
7. Букаренко С.Г. Рациональная и эмоциональная оценки на уровне морфем // Рациональное и эмоциональное в русском языке. М., 2015. С. 6–11.
8. Великоредчанина Л.С. Роль фразеологизмов в создании композиционно-смысловой структуры диктемы в художественном произведении // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 5. С. 51–60.
9. Великоредчанина Л.С. Роль фразеологизмов в создании когезии в англоязычных художественных текстах // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. 2015. № 7. С. 141–148.
10. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
11. Демидова Н.И. Диалектная речь рязанского края в поэтическом творчестве С.А. Есенина // Современное есениноведение. 2005. № 3. С. 10–18.
12. Дударева М.А. С.А. Есенин и фольклор: «Ритуальный хаос» в поэме «Анна Снегина» // Вестн. Северного (Арктического) фед. ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 4. С. 88–96.
13. Жаркова О.С. Лексика ощущения, восприятия и чувственного представления как средство номинации и предикации в поэмах С. Есенина: дис. … канд. филол. наук. М., 2005.
14. Каленова Н.А. Словарь эпистолярной фразеологии С.А. Есенина. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2015.
15. Кипарисова С.О. Диалектные фразеологизмы в повести С.А. Есенина «Яр» // Современное есениноведение. 2011. № 18. С. 51–54.
16. Лопатин В.В. «Синь, упавшая в реку». Об одном словообразовательном приеме С.А. Есенина // Русская речь. 1970. № 3. С. 8–13.
17. Манерко Л.А. Концептуальная модель пространственного дискурса // С любовью к языку: сб. науч. тр. М. – Воронеж, 2002. С. 398–412.
18. Морозова М.Н. О стилистическом своеобразии поэмы С. Есенина «Анна Снегина» // Вопросы стилистики. М., 1966.
19. Мусаткина Е.С. Лексико-семантическая структура макрообраза «путь» в поэме С.А. Есенина «Анна Снегина» // Современное есениноведение. М., 2013. № 24. С. 39–43.
20. Феоктистова А.Б. Рассмотрение проблем семантики идиом с позиций когнитологии // Rema. Рема. 2009. № 4. С.86–93.
21. Филатова А.А. Когнитивно-прагматические функции ксенонимов-русизмов в немецкоязычных текстах СМИИ (на материале лексико-семантического поля «Русские народные промыслы») // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13. Вып. 3. С. 88–98.
22. Черникова А.Э. Проблемы когнитивного моделирования во фразеологии // Когнитивные исследования языка. 2015. № 21. С. 525–527.
23. Шубникова-Гусева Н.И. «Свой ларец слов и образов…». К вопросу о традициях и новаторстве языка и стиха поэмы С.А. Есенина «Анна Снегина» // Современное есениноведение. М., 2015. № 2. С. 23–32.

* * *

1. Alefirenko N.F. Frazeologija v svete sovremennyh lingvisticheskih paradigm. M.: JeLPIS, 2008.
2. Alefirenko N.F. Kognitivno-pragmaticheskaja subparadigma nauki o jazyke // Kognitivno-pragmaticheskie vektory sovremennogo jazykoznanija: sb. nauch. tr. M., 2011. S. 16–27.
2. Arhangel'skaja Ju.V. Frazeologicheskaja edinica kak odin iz faktorov tekstoobrazovanija v diskurse L.N. Tolstogo // Materialy XXXIII Mezhdunarodnyh Tolstovskih chtenij. Tula, 2012. S. 244–248.
3. Babicyna N.N. Pojetika nacional'nogo haraktera v tvorchestve S.A. Esenina: dis. … kand. filol. nauk. M., 2013.
4. Bespalova E.V. Kognitivno-pragmaticheskie funkcii slozhnyh sushhestvitel'nyh v nemeckom nauchno-pedagogicheskom diskurse // Vestn. Samar. gos. un-ta. 2014. № 1(112). S. 95–100.
5. Bronnikova Ju.O. Slovoobrazovatel'nye sredstva vyrazhenija ocenki v russkom jazyke // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2014. № 12. S. 276–279.
6. Bukarenko S.G. Racional'naja i jemocional'naja ocenki na urovne morfem // Racional'noe i jemocional'noe v russkom jazyke. M., 2015. S. 6–11.
7. Velikoredchanina L.S. Rol' frazeologizmov v sozdanii kompozicionno-smyslovoj struktury diktemy

v hudozhestvennom proizvedenii // Gumanitarnye i social'nye nauki. 2015. № 5. S. 51–60.

8. Velikoredchanina L.S. Rol' frazeologizmov v sozdanii kogezii v anglojazychnyh hudozhestvennyh tekstah // Vestn. Cheljab. gos. ped. un-ta. 2015. № 7. S. 141–148.

9. Dejk T.A. van. Jazyk. Poznanie. Kommunikacija. M.: Progress, 1989.

10. Demidova N.I. Dialektnaja rech' rjazanskogo kraja v pojeticheskom tvorchestve S.A. Esenina // Sovremennoe eseninovedenie. 2005. № 3. S. 10–18.

11. Dudareva M.A. S.A. Esenin i fol'klor: «Ritual'nyj haos» v pojeme «Anna Snegina» // Vestn. Severnogo (Arkticheskogo) fed. un-ta. Ser.: Gumanitarnye i social'nye nauki. 2016. № 4. S. 88–96.

12. Zharkova O.S. Leksika oshhushhenija, vosprijatija i chuvstvennogo predstavlenija kak sredstvo nominacii i predikacii v pojemah S. Esenina: dis. … kand. filol. nauk. M., 2005.

13. Kalenova N.A. Slovar' jepistoljarnoj frazeologii S.A. Esenina. Volgograd: Volgogr. nauch. izd-vo, 2015.

14. Kiparisova S.O. Dialektnye frazeologizmy v povesti S.A. Esenina «Jar» // Sovremennoe eseninovedenie. 2011. № 18. S. 51–54.

15. Lopatin V.V. «Sin', upavshaja v reku». Ob odnom slovoobrazovatel'nom prieme S.A. Esenina // Russkaja rech'. 1970. № 3. S. 8–13.

16. Manerko L.A. Konceptual'naja model' prostranstvennogo diskursa // S ljubov'ju k jazyku: sb. nauch. tr. M. – Voronezh, 2002. S. 398–412.

17. Morozova M.N. O stilisticheskom svoeobrazii pojemy S. Esenina «Anna Snegina» // Voprosy stilistiki. M., 1966.

18. Musatkina E.S. Leksiko-semanticheskaja struktura makroobraza «put'» v pojeme S.A. Esenina «Anna Snegina» // Sovremennoe eseninovedenie. M., 2013. № 24. S. 39–43.

19. Feoktistova A.B. Rassmotrenie problem semantiki idiom s pozicij kognitologii // Rema. Rema. 2009. № 4. S.86–93.

20. Filatova A.A. Kognitivno-pragmaticheskie funkcii ksenonimov-rusizmov v nemeckojazychnyh tekstah SMII (na materiale leksiko-semanticheskogo polja «Russkie narodnye promysly») // Vestn. Novosib. gos. un-ta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2015. T. 13. Vyp. 3. S. 88–98.

21. Chernikova A.Je. Problemy kognitivnogo modelirovanija vo frazeologii // Kognitivnye issledovanija jazyka. 2015. № 21. S. 525–527.

22. Shubnikova-Guseva N.I. «Svoj larec slov i obrazov…». K voprosu o tradicijah i novatorstve jazyka i stiha pojemy S.A. Esenina «Anna Snegina» // Sovremennoe eseninovedenie. M., 2015. № 2. S. 23–32.

Cognitive and pragmatic functions of phraseological units in the poem by Sergei Yesenin "Anna Snegina"

The article deals with the cognitive and pragmatic aspect of the use of phrasemes in the poem by S. Yesenin "Anna Snegina". Objectifying the range of information not only of the rational but also of the emotional character, phraseological units are involved in creating the cohesion of the image of a character, verbalize a fragment of the conceptual sphere of the narrator and other characters, and thus the conceptual sphere of the author of the poem.

Key words: *phraseological unit, cognitive phraseology, language of S.A. Yesenin, cognitive and pragmatic function.*

(Статья поступила в редакцию 05.04.2017)

Н.И. КОРОБКИНА
(Волгоград)

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ОККАЗИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА: ВУЛЬГАРИЗМЫ, СЛЕНГИЗМЫ, ЖАРГОНИЗМЫ

Рассматриваются современные окказионализмы, которые представляют собой результат концептуальной интеграции. Представляется целесообразным стилистически дифференцировать анализируемую окказиональную лексику современного русского языка на вульгаризмы, сленгизмы и жаргонизмы, а также лингвоцинизмы. Стилистическая дифференциация современной окказиональной лексики способствует восполнению коммуникативных лакун, отражает лингвокреативную деятельность человека и тенденцию к языковой экономии.

Ключевые слова: *стилистическая дифференциация лексики, концептуальная интеграция, окказионализм, окказиональный вульгаризм / сленгизм / жаргонизм, лингвоцинизм.*

Согласно уровневой модели язык представляет собой единое целое, состоящее из иерархически связанных подсистем (уровней) – фонетической, морфологической, лексической и синтаксической. Каждому из перечисленных уровней свойственны свои единицы, выполня-

© Коробкина Н.И., 2017